

СОВРЕМЕННОЕ ПРАВОСУДИЕ «СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЦИФРОВИЗАЦИИ»: ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Белякова А.В.¹

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии, информационные системы, информационное моделирование, процессуальное законодательство, судебное право, генеративная модель, цифровизация судебного процесса, правосудие «без лица», электронное судопроизводство.

Аннотация

Цель статьи: обобщение имеющихся сведений и обозначение ряда основных проблемных аспектов в области внедрения искусственного интеллекта и иных высокотехнологичных цифровых продуктов в современную национальную правовую систему, а также решение вопросов реализации этих аспектов на современном этапе развития этой системы.

Методы исследования: общенаучные методы анализа, синтеза, обобщения и диалектический метод, а также методы формально-логический, юридико-технический и сравнительного правоведения.

Результаты исследования: сформирована авторская позиция по вопросу реализации цифровых и иных высоких технологий в судебной системе. Обосновывается необходимость формирования единой государственной и судебной политики для усиления роли правовых инструментариев. Обращается внимание на необходимость сохранения стандартов правосудия, усиления роли суда в лице конкретного судьи при рассмотрении и разрешения дела с целью установления объективной истины. Раскрывается ряд предложений и отдельных аспектов по вопросу нереализованного потенциала информационного моделирования в правосудии России и сопутствующих ему сферах, сформулирован ряд практико-ориентированных аспектов по усилению роли данного института.

DOI: 10.24682/1994-1404-2024-3-156-167

Введение

Автор отмечает, что «цифровизация» в указанном контексте понимается как вся совокупность используемых и применяемых в настоящее время информационно-коммуникационных технологий (далее — ИКТ) в сфере государственного и муниципального управления, где судебная система не является исключением, включая совокупность программного обеспечения по анализу, сбору, обработке информации и иных данных.

Формируемая в настоящее время действительность влияет на все сферы общественной жизни, включая экономическую, геополитическую и социальную. При этом происходящие процессы «цифровизации» общественных отношений, в том числе правосудия, формируют для ученых и исследователей множество вопросов, касающихся как права, юриспруденции, так и философии, этики, морально-нравственных устоев, обычаев делового и общественного оборота. Транс-

формируются не только формы реализации и взаимодействия между субъектами общественных отношений, но и принципы реализации права. Например, общеизвестные принципы гласности, открытости, доступности правосудия принимают все новые грани в свете последних событий, происходящих в национальном обществе. С одной стороны, открытость и гласность принимает новую форму — посредством представленной информации в глобальной сети Интернет можно не только отслеживать движения дела с помощью информационной системы ГАС «Правосудие» и КАД «Арбитр», но и собрать информацию по заинтересованному лицу. При этом возникает вопрос о приватности частной жизни, деловой репутации и т. п., так как имеющаяся в открытом доступе информация об участниках процесса позволяет не только получить информацию об имущественном состоянии лиц, но и выяснить ряд подробностей личной жизни, которые могут быть использованы злоумышленниками в корыстных целях. Возникает вопрос: каким образом

¹ Белякова Анна Владимировна, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Центра частного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация. ORCID: 0000-0003-4241-4511.

E-mail: belyakova.av@gmail.com

должны и могут быть реализованы указанные принципы процессуального права [1]? Хотелось бы обратить внимание и на категории дел, рассматриваемых в уголовном судопроизводстве. По отдельным категориям дел и составам в указанном виде судопроизводства целесообразно предоставлять информацию в ограниченном формате, учитывая также морально-этические и нравственные убеждения. Данная ремарка призвана обратить внимание на необходимость усиления роли конфиденциальности предоставляемой информации о частной жизни граждан, так как на данный момент общеизвестным фактом является то, что злоумышленники применяют свои знания с учетом развития ИКТ.

Чрезмерная «цифровизация» социально-экономических отношений, а также отсутствие структурности в правовом регулировании по данному аспекту обозначают и другие вопросы. Например, какие производственные, экспертные и профессиональные функции можно передать «на откуп» техническому прогрессу. Иными словами, какие профессии, эксперты-роботы или совокупность программного обеспечения могут быть трансформированы в ближайшее время. Данные проблемы будут возникать и увеличиваться с дальнейшим технологическим прогрессом. При этом хотелось бы обратить внимание, что имеющаяся увлеченность разного рода программным обеспечением на базе нейросетей снижает популярность сложных специализированных информационных технологий, позволяющих повысить эффективность отдельных производственных процессов. Примером может служить информационное моделирование в праве, юриспруденции и сопутствующей деятельности (например, при производстве экспертиз). Что, в частности, более подробно будет рассмотрено далее.

Технология информационного моделирования в правосудии

«Информационное моделирование» является техническим термином и применяется в настоящее время только в отдельных сферах и областях.

Технология информационного моделирования — это специализированное программное обеспечение, позволяющее моделировать и визуализировать в 3D-формате объекты материального мира, например, здания и сооружения. При этом указанное программное обеспечение можно использовать гораздо шире, так как это общее трехмерное управление данными и информацией о том или ином объекте или событии, которое может быть смоделировано посредством заданных параметров и алгоритмов. Моделирование создает единое информационное (а в отдельных случаях виртуальное) пространство и упрощает взаимодействие с заинтересованными лицами. Оно осуществляется с помощью специализированных прикладных программ, продуктов, разработанных для той или иной отрасли. Это архитектурно-строительная (ст. 57.5. «Информационная модель объекта капиталь-

ного строительства»²), дорожно-транспортная³ и электроэнергетика (ст. 28.4. «Цифровые информационные модели в электроэнергетике»⁴).

В национальном законодательстве термин «информационная модель» конкретизируется в ст. 57.5 Градостроительного кодекса Российской Федерации (далее — ГрК РФ), а условия применения раскрываются в Постановлении Правительства РФ от 05.03.2021 г. № 331 «Об установлении случаев, при которых застройщиком, техническим заказчиком, лицом, обеспечивающим или осуществляющим подготовку обоснования инвестиций, и (или) лицом, ответственным за эксплуатацию объекта капитального строительства, обеспечиваются формирование и ведение информационной модели объекта капитального строительства»⁵, а также в ряде иных актов, определяющих особенности применения данного рода информационных технологий⁶. Данный тип IT-технологий является узкопрофильным и специализированным, он был разработан для применения в одной из отраслей экономики.

² Была введена в действие Федеральным законом от 27.06.2019 № 151-ФЗ (в ред. от 08.08.2024) «О внесении изменений в Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2019. № 140.

³ Распоряжение Минтранса России от 17.09.2020 № АК-177-р «О подготовке проектной документации с использованием технологии информационного моделирования» // Ценообразование и сметное нормирование в строительстве. 2020. № 12; Приказ Росавтодора от 28.03.2016 № 463 «Об утверждении плана мероприятий поэтапного внедрения технологий информационного моделирования (BIM-технологий) в области дорожного хозяйства» // СПС «Консультант-Плюс».

⁴ Была введена в действие Федеральным законом от 13 июля 2024 № 185-ФЗ (в ред. от 08.08.2024) «О внесении изменений в Федеральный закон „Об электроэнергетике“ и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2024. 19 июля (№ 158).

⁵ Собрание законодательства РФ. 2021. № 11. Ст. 1823.

⁶ Постановление Правительства РФ от 17.05.2024 № 614 «Об утверждении Правил формирования и ведения информационной модели объекта капитального строительства, состава сведений, документов и материалов, включаемых в информационную модель объекта капитального строительства и представляемых в форме электронных документов, и требований к форматам указанных электронных документов» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 21. Ст. 2781. (Начало действия документа 01.09.2024); Приказ ФАУ «Главгосэкспертиза России» от 23.08.2021 № 200 «Об утверждении Методических рекомендаций «Наполнение цифровых информационных моделей объектов обустройства месторождений данными в части наличия элементов и атрибутов» // СПС «КонсультантПлюс». «Методические рекомендации по подготовке информационной модели объекта капитального строительства, представляемой на рассмотрение в ФАУ «Главгосэкспертиза России» в связи с проведением государственной экспертизы проектной документации и оценки информационной модели объекта капитального строительства (вместе с «Требованиями к разделам проектной документации «Смета на строительство объектов капитального строительства» и «Смета на строительство», утв. ФАУ «Главгосэкспертиза России»). Данный документ является временным и распространяется на строительство новых объектов капитального строительства без учета возможных дополнительных требований к ИМ, разрабатываемой при реконструкции объектов капитального строительства. Документ опубликован не был // СПС «КонсультантПлюс».

Данное программное обеспечение, по мнению автора, является крайне недооцененным в качестве самостоятельного высокотехнологичного продукта в юриспруденции, правосудии и государственном управлении [2, 3, 4].

Это связано с тем, что в настоящее время происходит преимущественно «линейное» развитие информационных технологий и восприятие социально-экономических отношений. Поэтому, считает автор, это является одним из препятствий для внедрения «трехмерного» программного обеспечения или «3D-моделирования», а также вариативного развития информационных технологий. «Линейная» модель развития является социологическим термином, определяющим тип социальной динамики, который характеризуется эволюционным, поступательным характером развития социума и отношений, складывающихся в нем⁷, при этом также характерно и для современных разноплановых информационных технологий (далее — ИТ-технологии). Данная форма развития ИТ-технологий позволяет формировать и развивать программное обеспечение по принципу «от большого к меньшему», от «регресса к прогрессу» и наоборот. Например, «нейросети» анализируют представленные данные и, обобщая их, выдают тот или иной результат, исходя из зафиксированных сведений. При этом они не учитывают, что остается «за кадром» (не все данные могут быть отображены и зафиксированы в том или ином источнике и т. п.). Таким образом, создается усредненный, типологизированный результат, что не совсем верно, так как существуют сферы, где шаблонность применяемых решений и выводов может привести к негативному результату. Это связано с тем, что высокотехнологичным ИТ-технологиям не свойственно критическое мышление. А возможно ли учитывать данные особенности при его разработке, не совсем ясно. В связи с этим возникает справедливый вопрос: необходимо ли регламентировать сферы применения и реализации ИТ-технологий уже на данном этапе их повсеместного внедрения? Автор полагает, что да, время пришло: научное сообщество уже неоднократно обращает внимание на увеличивающиеся тенденции злоупотребления посредством использования ИТ-технологий, что приводит к нарушениям прав, свобод и законных интересов [5, 6, 7]. Злонамеренное использование ИТ-технологий происходит во всех сферах, включая как гражданско-правовые, так и уголовно-правовые отношения. Поэтому автор считает, что в современном национальном обществе сформировалась тенденция к чрезмерной увлеченности применением и внедрением искусственного интеллекта в разнообразные сферы жизнедеятельности. При этом иные ИТ-технологии и механизмы, которые могут быть использованы как цифровые инструменты

в отдельных видах профессиональной деятельности, не имеют надлежащего освещения. Возможными причинами могут быть не только тенденции к упрощению производственных процессов, чему, в частности, способствует программное обеспечение, алгоритм которого призван воспроизводить когнитивные функции человека — искусственный интеллект⁸, но и сложности в развитии более сложных и многокомпонентных цифровых технологий, таких, например, как технологии информационного моделирования [8], используемые в области архитектуры и градостроительства, потенциал которых гораздо шире, и их применение возможно в иных областях. О чем автор ранее уже отмечал [9].

При этом реализация и применение данного рода программного обеспечения гораздо шире. Автор полагает, что данный тип ИТ-технологий возможно использовать и применять в ряде других областей, где юриспруденция в целом, а правосудие в частности, а также сопряженные с ней сферы не являются исключением.

Одной из проблем развития данных цифровых инструментов являются смещенные акценты в современном национальном обществе. В частности, в настоящее время повсеместно отдается предпочтение изучению вопросов искусственного интеллекта как самообучаемой нейросети [10]. При этом до сих пор нет однозначного ответа по вопросам как технического характера, так и организационно-правового. Это связано с множеством спорных моментов, которые уже формируются в настоящее время. И с прогностической точки зрения тоже не все так однозначно, как хотелось бы.

С одной стороны, это модное веяние, а с другой — вызов времени, который не может быть проигнорирован в связи с повсеместным использованием и внедрением высокотехнологичной продукции. Наряду с этим необходимо учитывать сложность и многокомпонентность данной отрасли. Помимо того, что искусственный интеллект позволяет упростить и облегчить выполнение тех или иных задач или производственных процессов, существуют различного рода риски и вызовы, которые необходимо учитывать не только при разработке, тестировании, но и при внедрении продуктов данной отрасли в ту или иную сферу социальной-экономической жизни.

В контексте искусственного интеллекта изучаются, рассматриваются и обсуждаются вопросы о правосубъектности, понятии и содержании, особенностях

⁷ Социология: теория, история, методология : учебник / Под ред. Д.В. Иванова. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019. 480 с.; Нурышев Г.Н., Бразевич Д.С. Социология : учеб. пособие. СПб. : СПбГУНИПТ. 2010. 292 с.

⁸ Указ Президента РФ от 10 октября 2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700; Перечень поручений по итогам конференции «Путешествие в мир искусственного интеллекта», утв. Президентом РФ 29 января 2023. URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1606060/> (дата обращения: 25.01.2024); Федеральный закон от 24 апреля 2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 17. Ст. 2701.

правового регулирования, применении и использовании в отечественной юриспруденции, а также многие другие аспекты. При этом, по мнению автора, в настоящее время отсутствует детализированная проработка данной отрасли с позиции нормативно-организационного регулирования, что не совсем верно, так как игнорирование детализированной и строго регламентированной правовой базы может привести к тому, что будут попираяться основополагающие принципы права, свободы, законные интересы и непосредственно права человека и гражданина (или иных заинтересованных лиц), которые необходимо детализировать в отраслевом законодательстве. Как следствие, всё это будет приводить к судебным разбирательствам. Иными словами, «вся тяжесть накопившихся проблем данной сферы навалится на хрупкие плечи Фемиды». Во избежание данных негативных прогностических взглядов необходимо принять превентивные меры, о чем более подробно будет рассмотрено далее.

Все вышесказанное указывает на то, что тема ИИ является крайне неоднозначной. Вдобавок в области информационных технологий существуют продукты, которые крайне недооценены и не популярны, но при этом обладают колоссальным потенциалом. Это технологии информационного моделирования, которые в настоящее время в России используются только в ряде сфер, в частности, в градостроительстве, а также при развитии транспортной инфраструктуры, в дорожном хозяйстве и в национальной правовой науке. В последнее время данному аспекту стало уделяться внимание в криминалистике и криминологии [11].

Данное программное обеспечение может быть применено и реализовано также в других сферах государственного управления, в том числе в области правосудия и сопутствующих ему сферах. Например, информационное моделирование или же пространственное информационное моделирование может быть использовано при анализе и разборе ДТП, а впоследствии при рассмотрении споров по данной категории дел.

Данное программное обеспечение можно применять для транспортных споров, страховых, земельных, строительных споров, а также иных категорий дел, связанных с возмещением вреда или взысканием компенсации вследствие причинения вреда.

Его использование возможно при проведении сложных технических или технологических экспертиз, а затем — при разрешении того или иного дела. Иными словами, речь идет о делах, которые связаны с необходимостью восстановления фактических обстоятельств посредством применения инженерно-технических знаний либо при наличии большого количества участников, объектов, предметов, а также сложной совокупностью фактов и обстоятельств, требующих привлечения специалистов, экспертов, или необходимостью использования специализированных знаний.

Например, категория дел по взысканию убытков вследствие залива квартиры. Воссоздание трехмерной модели могло бы поспособствовать визуализации про-

изошедшего события, а также инженерно-технической части упростить анализ произошедшего события.

Информационное моделирование по своей сути является частью мысленной реконструкции или воссоздания посредством специализированного программного обеспечения и его совокупности по воссозданию (восстановлению) событий, фактических обстоятельств. Или это может быть реконструкция объектов материального мира в трехмерном измерении или виртуальном пространстве из той или иной сферы общественных отношений, производственной и экономической деятельности.

Проблемы реализации такого информационного моделирования заключаются в том, что оно должно включать в себя знания из иных областей и сфер общественной жизни. В его разработке должны участвовать эксперты и специалисты, непосредственно обладающие знаниями в разрабатываемой области. Так как техническое задание в большинстве случаев не передает всех нюансов и специфики использования.

Необходимо развивать междисциплинарность и мультидисциплинарность, внедрять дополнительные спецкурсы для будущих IT-специалистов, так как современное образование отличается консервативностью, при этом не учитываются современные тенденции и веяния развития экономики и общества.

Наряду с этим в различных специальностях в настоящее время уделяется внимание развитию «генеративной модели». Этот термин используется в программировании и подразумевает под собой совокупность нейросетей («сильный искусственный интеллект»), цель которого — создание новых данных (изображений, музыки, текста и прочих) на основе обучающего «датасета», состоящего из большого количества данных [12]. То есть самообучаемое программное обеспечение на основе имеющейся информации — больших данных, что позволяет воспроизводить новые объекты в цифровом (виртуальном) пространстве. На сегодняшний день эти технологии развиваются, и сферы их применения расширяются. В связи с этим возникает вопрос: возможно ли применение указанного вида искусственного интеллекта (генеративных моделей) в области правосудия, градостроительстве или в сфере электроэнергетики? По мнению автора, этого нельзя допустить, так как эти сферы и иные области тесно связаны с защитой интересов неопределенного круга лиц, а также с безопасностью не только граждан, но и с безопасностью инфраструктуры различного уровня и функциональности. Применение подобного рода технологий возможно только с соблюдением всех технических, технологических сертификатов безопасности. При этом использование «генеративных моделей» для создания разноплановых, творчески направленных конструкций, полагает автор, возможно, так как это не несет прямой угрозы для жизни человека и безопасности неопределенного круга лиц. Данная ремарка направлена на то, чтобы обратить внимание научного и профессионального сообщества, что цели, задачи и сфера при-

менения при разработке того или иного вида цифрового продукта имеют ключевое значение. И чем выше уровень цифрового развития общества, тем выше риски, угрозы и манипулятивные техники использования и применения таких цифровых продуктов.

Из всего вышесказанного следует сделать вывод, что необходимо разграничивать сферы их применения и использования, а также усилить роль стандартизации и сертификации в данной области.

Отдельные проблемы внедрения искусственного интеллекта в национальную систему правосудия

Проблемы правового характера заключаются в том, что отсутствует единый понятийный аппарат, связанный с цифровизацией. Так, встречаются термины «цифровые технологии», «информационно-коммуникационные технологии», «электронные технологии» и т. п., что является не совсем верным.

Вопросы, имеющие однородную природу, регулируются различными актами правового характера. При этом по столь важному и актуальному вопросу отсутствует единообразное, унифицированное изложение не только с точки зрения юридической техники, понятийного и категориального аппарата, но и структурности, иерархичности изложения и правового регулирования. Базовым нормативно-правовым актом в данной области является Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»⁹. Необходимо учитывать его содержание при дальнейшей разработке в данной области. Правовое регулирование в России дифференцировано: общие положения определяются Национальной программой «Цифровая экономика Российской Федерации»¹⁰, Стратегией развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 гг.¹¹ и многими другими программными, стратегическими, локальными и нормативно-правовыми актами.

В системе правосудия данные вопросы регулируются также дифференцированно. В процессуальное законодательство в 2013 году¹², а именно в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — ГПК РФ) была введена ст. 155.1 «Участие в судебном заседании путем использования систем видеоконференц-связи». Аналогичная норма содержится в Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — АПК РФ) ст. 153.1, введенная

в действие в 2010 году¹³. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации (далее — КАС РФ) регламентирует аналогичную норму в ст. 142. Конкретизация данных положений осуществляется в п. 1.5 Регламента организации применения видео-конференц-связи в федеральных судах общей юрисдикции, утвержденного приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28.12.2015 № 401 (далее — Регламент). В системе арбитражных судов содержание раскрывается в постановлении Пленума ВАС РФ от 25.12.2013 № 100 (в ред. от 11.07.2014) «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации (первой, апелляционной и кассационной инстанций)»¹⁴. Правовая основа развития элементов электронного правосудия в России была сформирована в 2010—2013 гг., но реализация в полном объеме не была осуществлена в связи с отсутствием технического оснащения и недостаточного финансирования для его развития.

Дальнейшее развитие цифровизации в системе правосудия связано с реализацией федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013—2020 годы» (далее — Программа)¹⁵ в Российской Федерации. В настоящее время действует «Концепция информатизации Верховного Суда Российской Федерации»¹⁶, регламентирующая особенности развития цифровых технологий в Верховном Суде Российской Федерации. С целью реализации вышеуказанной Программы был принят приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 17.02.2017 № 25 «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации»¹⁷, регламентирующий ряд основных понятий электронного правосудия, а также приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 11.09.2017 № 168 «Об утверждении Порядка подачи мировым судьям документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа»¹⁸, регламентирующий особенности подачи исковых документов посредством сети Интернет.

В 2016 году был принят приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27.12.2016 № 251 «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды

¹³ Федеральный закон от 27.07.2010 № 228-ФЗ (в ред. от 28.06.2014) «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. 2010. 2 авг. (№ 169).

¹⁴ Постановление Пленума ВАС РФ от 25.12.2013 № 100 (в ред. от 11.07.2014) «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации (первой, апелляционной и кассационной инстанций)» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Постановление Правительства РФ от 27.12.2012 № 1406 (в ред. от 03.10.2018) «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013—2020 годы» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Утверждена Приказом Верховного Суда Российской Федерации от 10.12.2015 № 67-П // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 17.02.2017 № 25 «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ Бюллетень актов по судебной системе. 2017. № 10.

⁹ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.

¹⁰ Утверждена президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7 // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 гг.» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

¹² Федеральный закон от 26.04.2013 № 66-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. 2013. 30 апр. (№ 94).

общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа»¹⁹, регламентирующий особенности электронного правосудия в судах общей юрисдикции Российской Федерации.

В 2017 году было принято Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов»²⁰, разъясняющее и регламентирующее правила применения положений законодательства об использовании документов в электронном виде в судебном процессе.

В 2019 году была принята «Концепция информационной политики судебной системы на 2020—2030 годы»²¹. Данный документ имеет стратегически важное информационное значение, он направлен на развитие и внедрение информационных технологий в судебную систему.

Более подробно информатизация правосудия раскрыта в «Концепции информатизации Верховного Суда Российской Федерации»²², но данный документ ограничен по кругу действия (распространяется только на Верховный Суд РФ).

На основании Федерального закона от 30.12.2021 № 440-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (вступившего в законную силу 1 января 2022 г.) были внесены точечные изменения и дополнения в ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ о применении электронных документов в судопроизводстве, а также о закреплении возможности удаленного участия в судебных заседаниях посредством использования видео-конференц-связи.

Таким образом, развитие информационно-коммуникационных технологий привело к формированию «модели электронного судопроизводства», принципиально иного способа осуществления правосудия.

Интересной является «Концепция развития технологий машиночитаемого права», утвержденная Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности от 15 сентября 2021 года²³, в части разви-

тия «технологий машиночитаемого права в судопроизводстве и механизмов электронного документооборота, используемых в судебном разбирательстве».

Наряду с этим базовый нормативно-правовой акт, регулирующий основы информатизации правосудия Российской Федерации и ее особенности, до настоящего времени отсутствует.

Таким образом, в настоящее время действуют нормы, регулирующие особенности отправления правосудия, а также нормы организационно-технического характера, определяющие осуществление электронного документооборота в национальных судах всех уровней.

При этом из анализа материалов правоприменительной практики следует, что имеются тенденции в правовой неопределенности при толковании и применении рассматриваемых ранее норм процессуального права и организационно-технических норм по вопросу применения электронного судопроизводства. Так, по ряду дел при принятии решения о возбуждении судопроизводства в случае имеющихся недостатков при подаче документов посредством ИКТ искивые заявления были оставлены без движения вместо предоставления срока для устранения имеющихся технических ошибок на стадии подготовки дела к судебному разбирательству²⁴ или о возвращении иска²⁵.

Представляются интересными категории дел о привлечении к административной ответственности за несогласованное использование метода взаимодействия с применением искусственного интеллекта (робот-коллектора). В этом случае можно говорить об ином способе взаимодействия, для которого необходимо письменное соглашение с должником при наличии доказательств. Сам факт набора телефонного номера с целью соединения с должником сверх установленных ограничений свидетельствует о правонарушении независимо от соединения, продолжительности разговора и достижения результата, ожидаемого от разговора²⁶.

Приведенные примеры из анализируемых материалов судебной практики иллюстрируют трансформацию реализации социально-экономических отношений, а также процессуальных отношений. При этом инфор-

¹⁹ Бюллетень актов по судебной системе. 2017. № 2.

²⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» // Российская газета. 2017. 29 дек. (№ 297).

²¹ Одобрена Советом судей РФ 5 декабря 2019 г. (документ опубликован не был) // СПС «КонсультантПлюс».

²² Утверждена приказом Председателя Верховного Суда РФ от 15 февраля 2021 года № 9-П (документ опубликован не был) // СПС «КонсультантПлюс».

²³ Концепция развития технологий машиночитаемого права (утв. Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 15.09.2021 № 31) (документ опубликован не был) // СПС «КонсультантПлюс».

²⁴ Апелляционное определение Московского городского суда от 05.09.2024 № 33а-7224/2024 // СПС «КонсультантПлюс»; Апелляционное определение Московского городского суда от 05.09.2024 по делу № 33а-7233/2024 // СПС «КонсультантПлюс»; Апелляционное определение Московского городского суда от 05.09.2024 по делу № 33а-7221/2024 // СПС «КонсультантПлюс»; и многие др. судебные акты по аналогичному вопросу.

²⁵ Апелляционное определение Московского городского суда от 24.07.2024 по делу № 33-25766/2024 // СПС «КонсультантПлюс»; Апелляционное определение Московского городского суда от 18.06.2024 № 33-28084/2024 // СПС «КонсультантПлюс»; и многие др. судебные акты по аналогичному вопросу.

²⁶ Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 29.01.2024 № 01АП-8487/2023 по делу № А79-7287/2023 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 23.01.2024 № Ф02-7539/2023 по делу № А58-4021/2023 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 29.07.2024 № 01АП-3592/2024 по делу № А79-328/2024 // СПС «КонсультантПлюс»; и многие др. судебные акты по аналогичному вопросу.

мационные технологии прямо или косвенно затрагивают и иные правоотношения. И одной из имеющихся проблем правовой неопределенности в данной сфере является то, что национальная судебная система вынуждена преодолевать пробельность как в нормах материального, так и в нормах процессуального права. Тем самым технологизация общества правоотношений приводит к тому, что возникают «новые» категории дел. И информационно-коммуникационные технологии, призванные обеспечить оптимизацию судебного процесса, порождают все большее количество судебных разбирательств.

Искусственный интеллект «объективен»?

Иллюстрирующим примером для ответа на данный вопрос может служить используемый в американском правосудии искусственный интеллект для принятия решений об условно-досрочном освобождении. Данная система в два раза чаще прогнозировала рецидив в отношении афроамериканцев, чем в отношении иных лиц. То есть такая предвзятость была скрыта в критериях, которые сформировали данный алгоритм, что указывает на существование предрасположенности к ошибкам при формировании выборки данных [13].

Высказываемые аргументы о том, что цифровой алгоритм лишен чувств, эмоций и не подвержен переменам настроения и тем самым может принимать взвешенное, объективное и обоснованное решение, является спорным. Это объясняется тем, что объективность, как один из позитивных критериев искусственного интеллекта, является продуктом высокоинтеллектуальной деятельности специалистов или в отдельных случаях группы специалистов (разработчиков, а также заказчиков, которым устанавливаются основные требования и параметры по предлагаемому продукту), обладающих личными убеждениями, которые они могут произвольно или непроизвольно заложить в разрабатываемый ими цифровой продукт. Любые информационные и цифровые продукты действуют по строго заданным параметрам и алгоритмам, которые формируются и устанавливаются заказчиками и разработчиками. В том числе к ним относятся параметры, по которым должен самообучаться искусственный интеллект, и данные, которые он анализирует и прогнозирует. То есть, так или иначе, в цифровом алгоритме будут присутствовать элементы субъективной оценки. Цели и задачи, под которые создается тот или иной цифровой алгоритм, также будут иметь субъективный оттенок.

Другим аспектом, на который следует обратить внимание, является то, что искусственный интеллект, также как и другие цифровые сервисы, функционирует по строго заданными разработчиками параметрам. Поэтому возникает вопрос: возможно ли на этапе разработки данного программного обеспечения предусмотреть развитие и изменение общественных отношений, которые, в свою очередь, будут реализованы в той или иной сфере правоотношений, а впоследствии бу-

дут оказывать влияние на разрешение споров в суде? Возникают риски не только искажения предоставляемой доказательственной базы, манипулирования сознанием, но и формирования дополнительного пласта судебных разбирательств, так как заинтересованные лица будут вынуждены обращаться в судебные органы с целью защиты нарушенных прав. Примером может служить создание и распространение ложной и дискредитирующей информации о жизни и личности тех или иных граждан, формирования негативного образа как в сети Интернет, так и в офлайн-пространстве посредством искусственного интеллекта и иных цифровых сервисов и продуктов [14].

Все вышеизложенное указывает на то, что трансформируется роль принципа состязательности, объективной истины (судебной истины) и морально-нравственной, этической категории — справедливости в данных условиях.

На категорию справедливости применительно к реализации фундаментальных правовых гарантий в условиях цифрового правосудия в настоящее время в глобальном смысле обращает внимание профессор В.Д. Зорькин [15, 16, 17], что свидетельствует о необходимости обратить более пристальное внимание на конституционно-правовое значение реализации права на судебную защиту в современных условиях (технологизации, оптимизации, упрощения и формализации судебного процесса) и последствиях отклонения от стандартов отправления правосудия, которые формировались на протяжении длительного исторического периода России. Несмотря на смену социально-экономической и политической формации, традиции правосудия должны сохраняться до настоящего времени, где справедливость имеет более содержательное значение.

Справедливость является одним из наиболее распространенных понятий, используемых в области права, правосудия и юриспруденции. Вдобавок, находясь в плоскости морально-философских суждений, является отправной точкой в рассуждениях о соотношении искусственного интеллекта и правосудия, поскольку национальное законодательство определяет данную категорию прямо или косвенно в кодифицированных законодательных актах, являясь при этом оценочной категорией, и коррелируется с внутренними убеждениями судьи (судейским усмотрением) при вынесении судебного решения.

При этом «электронные весы правосудия» вряд ли смогут реализовать основополагающие принципы права, так как обращение в национальные суды всех уровней является для большинства заинтересованных лиц «единственным» способом восстановить нарушенные права, свободы и законные интересы.

Это имеет важное значение, так как профессиональное использование искусственного интеллекта и цифровых сервисов позволяет не только подготовить любой документ, но и при рассмотрении дела посредством онлайн-заседаний сокрыть истинное психоэмоциональное отношение участников судебного процес-

са по тому или иному вопросу. В связи с этим возрастает и усиливается роль усмотрения судьи, потому что для установления истины по делу необходимо укреплять руководящую роль суда в судебном процессе. Даже самое современное и эффективное программное обеспечение или цифровой алгоритм не смогут в полном объеме установить достаточность и достоверность представленных доказательств, выявить причинно-следственные связи, а также определить морально-нравственное отношение сторон к данному делу или по тому или иному вопросу, возникающему в процессе судебного разбирательства.

Популяризация вопроса искусственного интеллекта в сфере государственного регулирования ставит современное общество перед рядом требующих ответа вопросов. Во-первых, соответствуют ли разрабатываемые программы искусственного интеллекта допустимому качеству для принятия правообразующих решений? Во-вторых, разработаны ли междисциплинарные программы по подготовке специалистов в области искусственного интеллекта и иных сфер общественной жизни? В-третьих, достаточно ли обеспечены с технической и технологической точек зрения не только органы государственной власти всех уровней, но и заинтересованные лица? На эти вопросы нет однозначного ответа, так как современное общество разнородно и дифференцировано. Следует обратить внимание на то, что в некоторых районах и областях нет полноценного и стабильного доступа к сети Интернет, а также на неравномерный уровень заинтересованности в использовании технических средств в Российской Федерации²⁷.

Авторская позиция заключается в том, что в настоящее время происходит только первоначальная настройка национального общества и технологизация сфер государственного управления, в том числе и в судебной системе.

По вопросу информатизации, технологизации и цифровизации общественных отношений и всех сфер государственного регулирования, где правосудие и судебная система не исключение, подготовлено существенное число научных исследований [18—26].

Многие авторы ратуют за то, что технологизация и цифровизация позволят усовершенствовать различные процессы, в том числе и отправление правосудия. При этом, как представляется, в этом вопросе не все так однозначно. Это связано не только с тем, что разрабатываемые информационные технологии отличаются по качеству и доступности для тех или иных социальных групп, но и с возможным технологическим (производственным) несовершенством. В связи с этим возникает вопрос: можно ли отдать «вершение» человеческих судеб в области отправления правосудия искусственному интеллекту? Автор предполагает, что в данный

момент это крайне преждевременно, опять же по ряду причин.

Для того чтобы ответить на вопрос, может ли искусственный интеллект вершить правосудие, необходимо обратиться к сущностному содержанию правосудия и уточнить, в чем именно заключается деятельность суда при обращении к нему заинтересованных лиц. Традиционное определение правосудия трактуется с точки зрения «урегулированной законом деятельности суда (всех уровней и инстанций) по рассмотрению и разрешению уголовных и гражданских дел по существу»²⁸.

В частности, высказываемые в правовой науке точки зрения о том, чтобы часть функций передать «роботу-судье» [4], являются неоднозначными.

Национальные суды составляют одну из трех ветвей государственной власти, тем самым реализуется принцип разделения властей, как гарантировано ст. 10 Конституции Российской Федерации (далее — ст. 10 Конституция РФ). На основании ст. 118 Конституции РФ правосудие осуществляется только судом, в лице конкретного судьи осуществляется установленная законом деятельность суда по рассмотрению и разрешению дел (в узком смысле), а именно судопроизводство. Правосудие является особой юрисдикционной деятельностью, направленной на защиту нарушенных прав, свобод и законных интересов граждан. Особый статус судебной власти заключается в том, что к осуществлению данной профессиональной деятельности допускаются только лица, имеющие высшее юридическое образование, а также предъявляются иные требования, установленные федеральным законодательством. То есть в данном случае речь идет о строгом соответствии профессии, позволяющей вести деятельность в определенной сфере, и профессиональное образование в данном случае является основным критерием.

Важно заметить, что деятельность судьи основана на знании юриспруденции (в советский период развития государства чаще использовался термин «правоведение»²⁹). Помимо этого, существует и морально-нравственное значение права и правосудия, которое исследуется философией и социологией права. Следуя за идеями немецкого философа права Густава Радбруха³⁰, можно заключить, что «право есть стремление к порядку, а правосудие призвано данный порядок обеспечить» (выделено автором). В связи с этим, резюмируя, можно поставить вопрос о том, может ли робот-судья осуществлять одну из форм государственной деятельности, а именно правосудие, а также осу-

²⁸ Рыжаков А.П. Правоохранительные органы : учебник для вузов. 4-е изд. М. : Дело и Сервис, 2015. 590 с.

²⁹ Юриспруденция (правоведение) — это наука о праве, в содержание которой входит совокупность практических знаний о действующем законодательстве и судебной практике, в узком смысле // Большая советская энциклопедия: в 65 т. Т. 46 / Гл. ред. О.Ю. Шмидт. М. : Советская энциклопедия, 1940. С. 656.

³⁰ Радбрух Г. Философия права: учеб. издание; пер. с нем. Ю.М. Юмашева. М. : Международные отношения, 2024. 238 с.

²⁷ Рынок России и СНГ. Tadviser.ru, 20.06.2024. URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Интернет-доступ_\(рынок_России\)](https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Интернет-доступ_(рынок_России)), 24.06.2024.

щественно-правовые науки осуществлять поиск объективной истины и справедливости при рассмотрении и разрешении конкретного дела по существу. Чувствовать и понимать происходящее в зале судебного заседания означает проявлять эмпатию. Знание законов, материалов судебной практики и обладание иными знаниями и навыками не позволяют в полном объеме осуществлять профессиональную деятельность. Необходимо еще чувствовать и понимать, прогнозировать и анализировать детали, видеть и слышать все происходящее в совокупности.

Практическая деятельность юриста — это в первую очередь истолкование закона, уяснение его смысла и содержания путем конкретизации тех понятий, которые выражены в словесной форме в нормативных правовых актах. Толкование — процесс познания закона, так как закон сформулирован как общее абстрактное правило, поведение. Его содержание раскрывается через конкретные признаки и положения, позволяя познать смысл закона и применить его в том или ином конкретном случае, а именно через фактические обстоятельства, поскольку норма права, имея общий характер, охватывает большой круг отношений и при этом детализируется опосредованно другими нормами права, тем самым формулируя системно регулирование тех или иных общественных отношений [27].

Автор обращает внимание на то, что повсеместное засилье искусственного интеллекта в профессиональной деятельности юристов, в том числе судей, может привести или уже приводит к тому, что размываются основополагающие человеческие ценности, так как нейросети [28] как основа любого искусственного интеллекта посредством актуализации запросов создают те или иные подборки. Тем самым формируется восприятие, а как следствие, и профессиональные убеждения по тому или иному вопросу. Поскольку исключить использование искусственного интеллекта не представляется возможным, необходимо отметить, что возможно возникновение такого правового феномена, как техническое (информационное) злоупотребление, которое будет провоцировать (а в отдельных случаях уже способствует) возникновению исков о взыскании задолженности с физических или юридических лиц, что также впоследствии приводит к дополнительным вопросам об оспаривании данных платежей. В связи с этим необходимо усиливать руководящую роль суда, так как информационные системы и цифровые алгоритмы (продукты) в настоящее время не могут быть доведены до совершенства.

Поэтому, по мнению автора, надо реанимировать концепцию развития судебного права с учетом современной действительности не только с позиции фактической реализации правоотношений, но и с точки зрения необходимости использовать прогностическую функцию современной юридической науки, так как рассмотренный перечень аспектов имеет усеченный характер и требует дополнительных исследований, а также разрабатывать и другие немаловажные аспек-

ты применения цифровых продуктов и их последствий в правосудии.

Автор полагает, что один из разделов современной концепции судебного права должен быть посвящен именно использованию новейших технологий в области отправления правосудия с учетом всего спектра вопросов, поскольку вышеизложенные доводы, выводы и рассуждения необходимо рассматривать с точки зрения прямой или косвенной взаимосвязи. И развитие концепции судебного права может этому способствовать.

Заключение

Рассмотренные автором отдельные вопросы и аспекты призваны обратить внимание на тот факт, что не все так однозначно при внедрении искусственного интеллекта и иных новых и новейших технологий в различные области и сферы общественной жизни, где судебная система не является исключением. Непоследовательное, точечное и бессистемное внедрение и использование отдельных цифровых продуктов при отправлении правосудия может привести к фатальным последствиям, которые будут иметь накопительный и отлагательный эффект. Призыв о том, что искусственный интеллект может позволить снизить количество судебных дел, имеет двоякую природу. С одной стороны, это возможно, а с другой — может способствовать возникновению новых категорий дел, которые необходимо будет преодолевать посредством обращения в национальные судебные органы, о чем, в частности, автором ранее уже обращалось внимание.

Консерватизм в одних сферах является недостатком, а в других может быть преимуществом. Автор считает, что в данной сфере консерватизм, выраженный в последовательности, структурированности, логичности, системности, а также использование прогностической функции может позволить избежать погружения в «цифровой хаос», так как правосудие и судебная система в первую очередь сталкиваются с различного рода «искажениями» в области реализации общественных отношений.

Правосудие и судебная система связаны с реализацией ряда функций, одной из которых является государственная деятельность по защите нарушенных прав, свобод и законных интересов заинтересованных лиц. В связи с этим необходимо отметить, существует ли цифровой алгоритм, позволяющий возложить на него реализацию государственной функции по отправлению правосудия? Данная сфера государственной деятельности является крайне уязвимой, потому что непосредственность при внедрении цифровых сервисов может привести к рискам, которые могут иметь фатальные последствия. Вопросы справедливости, объективной истины, понимания и осознания всего происходящего, прогнозирование, анализ, критический взгляд и критическое правовое мышление недоступны цифровым алгоритмам. И на данный момент не существует про-

граммного обеспечения, позволяющего обучить нейросеть «объемному трехмерному восприятию». При этом юриспруденция обязывает специалиста не только обладать знаниями, умениями и навыками, но также требует иметь способность их применять во всех областях своей жизни, быть цельной и самодостаточной личностью. То есть речь идет о цельности восприятия прошлого, настоящего и возможного будущего. Это в настоящий момент подвластно только человеку.

Есть области правоотношений, где технический сбой «смерти подобен». И это судебная система. Поэто-

му автор и предлагает обратиться к концептуальным аспектам развития правосудия и судебной системы с позиции «судебного права».

Как итог, на основании всего вышеизложенного необходимо «реанимировать» концепцию судебного права с учетом современных реалий. Это может позволить не только внести согласованные изменения в действующее законодательство в области правосудия, но и преодолеть и предусмотреть риски, которые могут возникнуть в связи с повсеместным засилием информационных технологий в современном национальном обществе.

Литература

1. Белякова А.В., Поворова Е.А. Медиатизация принципа гласности судебного процесса в условиях цифрового государства // Право и экономика. 2023. № 6 (424). С. 20—29.
2. Бруссард М. Искусственный интеллект: пределы возможного. М.: Альпина Паблишер, 2020. 361 с.
3. Капитонова Е.А. Визуальный фейк, созданный посредством нейросети: социально-правовые риски и проблемы квалификации // Закон. 2024. № 1. С. 39—48.
4. Коваленко К.Е., Печатнова Ю.В., Стаценко Д.А., Коваленко Н.Е. Судья-робот как преодоление противоречий судебного усмотрения (юридические аспекты) // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2020. Т. 36. № 4. С. 169—173. DOI: 10.21779/2224-0241-2020-36-4-169-173.
5. Амелин Р.В., Чаннов С.Е. Эволюция права под воздействием цифровых технологий. М.: НОРМА, 2023. 280 с.
6. Глинкова К.М. Нарушение авторских прав посредством создания дипфейков в сети Интернет // ИС. Авторское право и смежные права. 2023. № 6. С. 51—61.
7. Апостолова Н.Н. Достоверность доказательств и технологии дипфейка // Российский судья. 2023. № 11. С. 7—11. DOI: 10.18572/1812-3791-2023-11-7-11.
8. Ялилов А.Д. Особенности гражданско-правового регулирования отношений в сфере проектирования и строительства при использовании технологии информационного моделирования (BIM) // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 11. С. 87—99. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.144.11.087-099.
9. Белякова А.В. Значение BIM-технологий для природоохранной сферы // Спутник высшей школы. 2022. № 5 (10). С. 64—71.
10. Афанасьев С.Ф. К вопросу о законодательном регулировании искусственного интеллекта // Российская юстиция. 2020. № 7. С. 46—49.
11. Купин А.Ф., Дончук А.И. Применение программных средств для моделирования механизма следообразования // Российский следователь. 2023. № 9. С. 8—11. DOI: 10.18572/1812-3783-2023-9-8-11.
12. Применение генеративных моделей глубокого обучения для аппроксимации плотности распределения образов / А.В. Яценко, А.С. Потапов, С.А. Родионов и др. // Оптический журнал. 2019. Т. 86. № 12. С. 29—34.
13. Цветков Ю.А. Искусственный интеллект в правосудии // Закон. 2021. № 4. С. 91—107.
14. Свиридова Е.А. Правила использования технологий дипфейк в праве США и КНР: адаптация зарубежного опыта правового регулирования // Современное право. 2024. № 3. С. 119—123.
15. Зорькин В.Д. Providentia или о праве будущего в эпоху цифровизации // Государство и право. 2020. № 6. С. 7—19.
16. Зорькин В.Д. Судебная власть перед вызовами времени // Журнал Конституционного правосудия. 2023. № 2. С. 1—5. DOI: 10.18572/2072-4144-2023-2-1-5.
17. Зорькин В.Д. Справедливость — императив цивилизации права // Вопросы философии. 2019. № 1. С. 13.
18. Гаджиев Х.И., Поворова Е.А. Эволюция судебной власти в информационном обществе // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19. № 5. С. 79—91. DOI: 10.61205/jzsp.2023.068.
19. Арзамасов Ю.Г. Оптимальная модель правового регулирования в сфере искусственного интеллекта // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 2 (53). С. 133—148.
20. Арзамасов Ю.Г. Комплексный подход к определению искусственного интеллекта // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 3 (50). С. 242—262. DOI: 10.17308/law/1995-5502/2022/3/242-262.
21. Пашенцев Д.А., Абрамов Р.А. Основные направления влияния современных технологий на развитие права // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2024. № 1 (53). С. 7—13.
22. Карцхия А.А., Макаренко Г.И. Правовые проблемы применения искусственного интеллекта в России // Правовая информатика. 2024. № 1. С. 4—19.

23. Карцхия А.А., Макаренко Г.И. Правовые горизонты технологий искусственного интеллекта: национальный и международный аспект // Вопросы кибербезопасности. 2024. № 1 (59). С. 2—14. DOI: 10.21681/2311-3456-2024-1-2-14 .
24. Черногор Н.Н. Искусственный интеллект и его роль в трансформации современного правопорядка // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 4. С. 5—15. DOI: 10.12737/jrl.2022.037 .
25. Фурсов Д.А. Роботизация правосудной деятельности // Российское правосудие. 2021. № 4. С. 46—53. DOI: 10.37399/issn2072-909X.2021.4.46-53 .
26. Рожкова М.А. Перспективы правового регулирования онлайн-разбирательств потребительских споров // Закон. 2022. № 9. С. 145—158.
27. Братусь С.Н. Юридическая природа судебной практики в СССР // Советское государство и право. 1975. № 6. С. 13—21.
28. Юрченко А.К. Оценка производительности труда дизайнера при создании служебного объекта с помощью технологий искусственного интеллекта // Право и бизнес. 2023. № 1. С. 30—32.

SECTION:
PUBLIC (CONSTITUTIONAL) LAW

MODERN JUSTICE “THROUGH THE PRISM OF DIGITALISATION”: CERTAIN ASPECTS

Anna Belyakova, Ph.D. (Law), Leading Researcher at the Centre for Private Law of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-4241-4511. E-mail: belyakova.av@gmail.com

Keywords: *information and communication technologies, information systems, information modelling, procedural legislation, judicial law, generative model, digitalisation of court proceedings, impersonal justice, electronic court proceedings.*

Abstract

Purpose of the paper: generalising available information and identifying a number of basic problem aspects in the field of implementing artificial intelligence (AI) and other hi-tech digital products in the modern national legal system as well as solving questions of implementing these aspects at the modern stage of development of this system.

Methods used in the study: general scientific methods of analysis, synthesis, generalisation and the dialectical method as well as the methods of formal logic, legal technique and comparative law.

Study findings: the author's stance regarding the question of implementing digital and other high technologies in the judicial system is worded. A justification for forming a single government and judicial policy for strengthening the role of legal tools is given. Attention is drawn to the need for preserving the standards of justice, strengthening the role of the court personified by a specific judge while considering and deciding on the case in order to establish the objective truth. A number of proposals and certain aspects regarding the unrealised potential of information modelling in Russia's justice and neighbouring fields are expounded, and some practice-oriented aspects for strengthening the role of this institution are covered.

References

1. Belyakova A.V., Povorova E.A. Mediatizatsiia printsipa glasnosti sudebnogo protsessa v usloviakh tsifrovogo gosudarstva. Pravo i ekonomika. 2023. No. 6 (424). Pp. 20–29.
2. Brussard M. Iskustvennyi intellekt: predely vozmozhnogo. M. : Al'pina Publisher, 2020. 361 pp.
3. Kapitonova E.A. Vizual'nyi feik, sozdanniy posredstvom neiroseti: sotsial'no-pravovye riski i problemy kvalifikatsii. Zakon. 2024. No. 1. Pp. 39–48.
4. Kovalenko K.E., Pechatnova Iu.V., Statsenko D.A., Kovalenko N.E. Sud'ia-robot kak preodolenie protivorechii sudebnogo usmotreniia (iuridicheskie aspekty). Iuridicheskii vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. T. 36. No. 4. Pp. 169–173. DOI: 10.21779/2224-0241-2020-36-4-169-173 .
5. Amelin R.V., Channov S.E. Evoliutsiia prava pod vozdeistviem tsifrovyykh tekhnologii. M. : NORMA, 2023. 280 pp.
6. Glinkova K.M. Narushenie avtorskikh prav posredstvom sozdaniia dipfeikov v seti Internet. IS. Avtorskoe pravo i smezhnye prava. 2023. No. 6. Pp. 51–61.

7. Apostolova N.N. Dostovernost' dokazatel'stv i tekhnologii dipfeika. Rossiiskii sud'ia. 2023. No. 11. Pp. 7–11. DOI: 10.18572/1812-3791-2023-11-7-11 .
8. Ialilov A.D. Osobennosti grazhdansko-pravovogo regulirovaniia otnoshenii v sfere proektirovaniia i stroitel'stva pri ispol'zovanii tekhnologii informatsionnogo modelirovaniia (BIM). Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. 2022. No. 11. Pp. 87–99. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.144.11.087-099 .
9. Beliakova A.V. Znachenie BIM-tekhnologii dlia prirodookhrannoi sfery. Sputnik vysshei shkoly. 2022. No. 5 (10). Pp. 64–71.
10. Afanas'ev S.F. K voprosu o zakonodatel'nom regulirovanii iskusstvennogo intellekta. Rossiiskaia iustitsiia. 2020. No. 7. Pp. 46–49.
11. Kupin A.F., Donchuk A.I. Primenenie programmnykh sredstv dlia modelirovaniia mekhanizma sledoobrazovaniia. Rossiiskii sledovatel'. 2023. No. 9. Pp. 8–11. DOI: 10.18572/1812-3783-2023-9-8-11 .
12. Primenenie generativnykh modelei glubokogo obuchenii dlia approksimatsii plotnosti raspredelenii obrazov. A.V. Iashchenko, A.S. Potapov, S.A. Rodionov i dr. Opticheskii zhurnal. 2019. T. 86. No. 12. Pp. 29–34.
13. Tsvetkov Iu.A. Iskusstvennyi intellekt v pravosudii. Zakon. 2021. No. 4. Pp. 91–107.
14. Sviridova E.A. Pravila ispol'zovaniia tekhnologii dipfeik v prave SShA i KNR: adaptatsiia zarubezhnogo opyta pravovogo regulirovaniia. Sovremennoe pravo. 2024. No. 3. Pp. 119–123.
15. Zor'kin V.D. Providentia ili o prave budushchego v epokhu tsifrovizatsii. Gosudarstvo i pravo. 2020. No. 6. Pp. 7–19.
16. Zor'kin V.D. Sudebnaia vlast' pered vyzovami vremeni. Zhurnal Konstitutsionnogo pravosudiia. 2023. No. 2. Pp. 1–5. DOI: 10.18572/2072-4144-2023-2-1-5 .
17. Zor'kin V.D. Spravedlivost' – imperativ tsivilizatsii prava. Voprosy filosofii. 2019. No. 1. P. 13.
18. Gadzhiev Kh.I., Povorova E.A. Evoliutsiia sudebnoi vlasti v informatsionnom obshchestve. Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniia. 2023. T. 19. No. 5. Pp. 79–91. DOI: 10.61205/jzsp.2023.068 .
19. Arzamasov Iu.G. Optimal'naia model' pravovogo regulirovaniia v sfere iskusstvennogo intellekta. Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Pravo. 2023. No. 2 (53). Pp. 133–148.
20. Arzamasov Iu.G. Kompleksnyi podkhod k opredeleniiu iskusstvennogo intellekta. Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Pravo. 2022. No. 3 (50). Pp. 242–262. DOI: 10.17308/law/1995-5502/2022/3/242-262 .
21. Pashentsev D.A., Abramov R.A. Osnovnye napravleniia vliianiia sovremennykh tekhnologii na razvitie prava. Vestnik MGPU. Serii: Iuridicheskie nauki. 2024. No. 1 (53). Pp. 7–13.
22. Kartskhii A.A., Makarenko G.I. Pravovye problemy primeneniia iskusstvennogo intellekta v Rossii. Pravovaia informatika. 2024. No. 1. Pp. 4–19.
23. Kartskhii A.A., Makarenko G.I. Pravovye gorizonty tekhnologii iskusstvennogo intellekta: natsional'nyi i mezhdunarodnyi aspekt. Voprosy kiberbezopasnosti. 2024. No. 1 (59). Pp. 2–14. DOI: 10.21681/2311-3456-2024-1-2-14 .
24. Chernogor N.N. Iskusstvennyi intellekt i ego rol' v transformatsii sovremennogo pravoporiadka. Zhurnal rossiiskogo prava. 2022. T. 26. No. 4. Pp. 5–15. DOI: 10.12737/jrl.2022.037 .
25. Fursov D.A. Robotizatsiia pravosudnoi deiatel'nosti. Rossiiskoe pravosudie. 2021. No. 4. Pp. 46–53. DOI: 10.37399/issn2072-909X.2021.4.46-53 .
26. Rozhkova M.A. Perspektivy pravovogo regulirovaniia onlain-razbiratel'stv potrebitel'skikh sporov. Zakon. 2022. No. 9. Pp. 145–158.
27. Bratus' S.N. Iuridicheskaia priroda sudebnoi praktiki v SSSR. Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1975. No. 6. Pp. 13–21.
28. Iurchenko A.K. Otsenka proizvoditel'nosti truda dizainera pri sozdanii sluzhebного ob'ekta s pomoshch'iu tekhnologii iskusstvennogo intellekta. Pravo i biznes. 2023. No. 1. Pp. 30–32.